

О НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЖИВОТНЫХ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ

Т. Н. Троицкая, А. С. Шишкин

The article publishes cases of animal burials of the Early Iron Age (horses, pigs and a dog) found during excavations of the sites in the Novosibirsk Lower Ob basin. Basing on analysis of the findings, the authors single out remains of construction sacrifices related with constructing or operations of fortifications, as well as protection sacrifices in the course of violating human burials.

Среди памятников Новосибирского Приобья раннего железного века определенный интерес представляют погребения животных, относящиеся к оборонительным сооружениям городищ или совершенные в курганах вместе с захоронением человека. В настоящее время известны два таких захоронения на городищах и три в могилах [1]. Остановимся на них подробнее.

Городище Ивановка-4. Раскопки Т. Н. Троицкой в 1977 г. Укреплено валом и внутренним рвом. Земля при сооружении последнего в основном выбрасывалась наружу, составляя вал, и частично на склон городища, образуя всхолмление типа невысокого вала. Памятник относится к кулайской культуре и датируется ее фоминским этапом (III–IV вв. н. э.). Могила расположена у края городища близ рва, издана [Троицкая, 1979, с. 38, табл. 47]. Засыпанное погребение было перекрыто рушеным материком — затеком внутреннего вала. Видимо, оно было совершено вскоре после сооружения оборонительной системы. Размер могильной ямы — 1,28×1,80 м, глубина — 75 см (рис., 1). На дне ее головами на юго-запад лежало 5 домашних свиней различного возраста (определение Н. Д. Оводова), но не старше двух лет. Самок среди них не было. Засыпь могилы отличалась особой плотностью, она была как бы утрамбованной. Невольно напрашивается мысль о том, что на этом месте совершались ритуальные танцы.

Городище III Кордон-1. Расположено у с. Соколово к северу от Новосибирска. Раскопки проводились С. Г. Росляковым в 1988 г. [Росляков, 1995, с. 74–75]. Укреплено мощным рвом и валом, относится к кулайской культуре и датируется временем не раньше рубежа I в. до н. э. — I в. н. э. На дне рва чуть выше материка на площади 100×45 см обнаружен скелет коня (рис., 5). Он лежал головой на северо-запад. Создается впечатление, что это было вторичное погребение. Отсутствует часть ребер, значительное число позвонков, копыта и др., но костей больше, чем положено при захоронении шкуры (чучела) лошади. Все они уложены в порядке, близком к анатомическому: близ черепа и под ним лежат остатки передних конечностей, в противоположной стороне — задних. Это захоронение было совершено спустя некоторое время после сооружения рва, так как ров успел немного затянуться, поселение же к этому времени продолжало функционировать, поскольку слой, на котором лежал скелет, был незначительным. Можно полагать, что останки лежали в очень неглубокой яме (стратиграфически она не прослеживалась), и поэтому кости сохранились компактной кучкой.

Курганный могильник Быстровка-3. Раскопки И. А. Дуракова в 1993 г. [Дураков, Мжельская, 1995, с. 47–65]. Могильник относится к большереченской культуре, И. А. Дураков и Т. В. Мжельская датируют раскопанные курганы I в. до н. э. — I в. н. э. и отмечают отсутствующее ранее в большереченских курганах влияние кулайской культуры. В двух могилах вместе с погребенными людьми выявлены скелеты животных.

Погребение 9 кургана 5 (рис., 2). В могиле головами на запад лежали два скелета, верхняя половина которых была потревожена. С ними обнаружен сосуд [Там же, с. 64, рис. 7, 2]. Поверх них поперек могилы головой на юг, примерно в области груди, лежал скелет свиньи (определение С. К. Васильева). Судя по тому, что ее кости находились сразу же на погребенных, а сами скелеты были потревожены, можно следующим образом представить процесс захоронения. Вначале были положены тела двух человек, некоторое время могила оставалась незасыпанной, пока не разложились связки между костями. Затем еще до засыпки могилы землей были потревожены верхние половины захороненных. Сразу же поверх потревоженных скелетов была положена свинья. И лишь после этого яму засыпали землей. Позже в нее был подзахоронен младенец, скелет которого обнаружен в засыпи могилы. До остеологического определения С. К. Васильева кости животного были отнесены к недавно родившемуся жеребенку и так опубликованы [Дураков, Мжельская, 1995, с. 49].

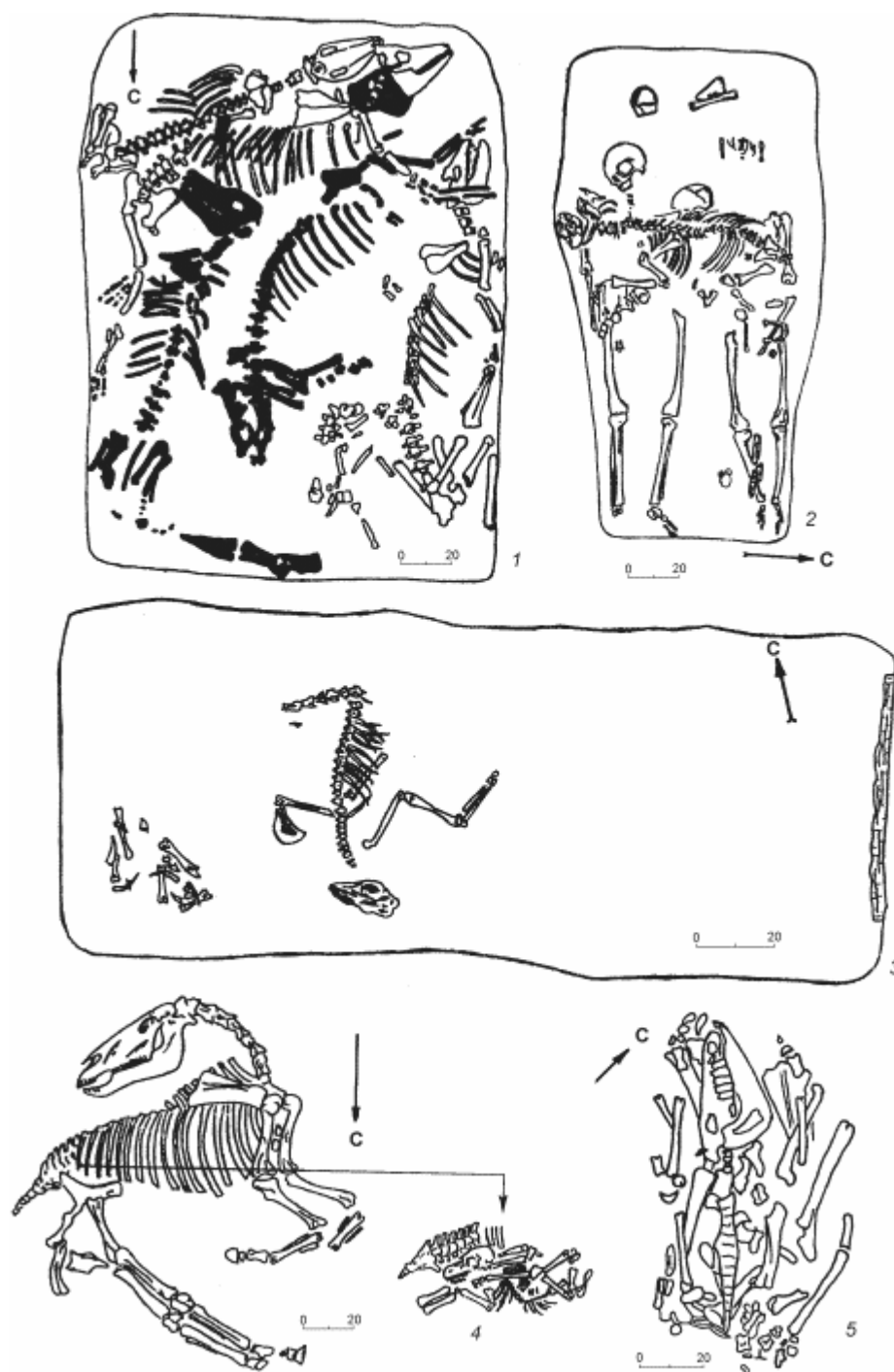

Рис. Погребения животных в Новосибирском Приобье:

- 1 — Ивановка-4. Погребение домашних кабанов; 2 — Быстровка-3, кург. 5, мог. 9. Погребение свиньи; 3 — Быстровка-2, кург. 1, мог. 13. Погребение собаки; 4 — Быстровка-3, кург. 6, мог. 8. Погребение жеребой лошади; 5 — III Кордон-1. Погребение коня

Погребение 8 кургана 6. В могиле головами на северо-запад в анатомическом порядке лежали два скелета, один из которых слегка потревожен; возможно, это вторичное захоронение. Инвентарь отсутствовал. После засыпки захоронения поверх него поперек могильной ямы была положена лошадь (рис., 4). Она лежала на левом боку головой на запад частично на бортах ямы. Поэтому, когда могила осела, живот и ребра коня опустились вниз. Голова лошади была неестественно загнута назад, задние ноги выпрямлены. Создается впечатление, что она была положена уже после наступления трупного окоченения. Здесь же, на борту могилы, найден кувшинчик с отверстиями для подвешивания, орнаментированный елочкой из оттисков гребенки [Дураков, Мжельская, с. 85, рис. 8, 7]. Лошадь была жеребой: между ее ребрами обнаружен скелет

лежавшего в утробном положении жеребенка (определение С. К. Васильева). Восстановим последовательность ритуальных действий: еще до возведения насыпи поперек засыпанной могилы была положена очоженевшая жеребая кобыла, рядом с ней поставлен сосуд, типичный не только для большереченской культуры, но и для этого могильника, что явно говорит о синхронности погребения лошади и остальных захоронений кургана. Интересно отметить, что в обоих указанных случаях животные были положены поперек могилы.

Курганный могильник Быстровка-2. Раскопки Т. В. Мжельской в 1992 г. Могильник относится к большереченской культуре и приблизительно синхронен курганам Быстровки-3. В кургане 1 могила 13 была разграблена, кости частично были выброшены из ямы, оставшиеся сдвинуты в северо-западный угол могилы. В насыпи могилы выше материка обнаружен скелет собаки (рис., 3). Животное было положено на левый бок, передние лапы отсутствуют, череп найден рядом с хвостовой оконечностью скелета.

В рассмотренном материале особый интерес представляют захоронения свиней. Нам неизвестны аналогии им в материале Западной Сибири. По заключению Е. А. Сидорова [1989, с. 149–152], кости этих животных в незначительном количестве встречаются в Приобье на севере лесостепи и юге тайги в эпоху бронзы (еловская культура) и в раннем железном веке (кижировская культура). В остеологическом материале Новосибирского Приобья на поселении Ордынское-9, содержащем большереченские и кулайские слои, кости свиньи составляют 1,2 % стада [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 51]. В столь же незначительном количестве кости свиней встречены в саргатских материалах Барабы и Прииртышья [Полосьмак, 1987, с. 112]. Все это говорит о том, что сам факт существования погребения свиньи в материалах, связанных с кулайской и большереченской культурами в Новосибирском Приобье, вполне правомерен.

Представленные погребения явно делятся на две группы: совершенные на городищах и в курганах. Рассмотрим их подробнее.

На наш взгляд, захоронение кабанов на городище является следами строительной жертвы. На это указывает его временная близость сооружению вала и рва. Кости и черепа животных неоднократно встречались под жилыми сооружениями эпохи палеометалла [Формозов, 1984, с. 238–240; и др.]. О значении строительной жертвы высказывались различные точки зрения. Наиболее обоснованной является следующая: согласно традиционному мировоззрению любое строение — живой организм, для нормального функционирования которого необходимо наличие души. Душу строение получает в результате жертвоприношения, при этом качества приносимого в жертву существа должны были перенестись на строение. Безусловно, душой наделялись не любые сооружения, а лишь особо значимые для коллектива, каковыми в первую очередь были фортификации.

Остается остановиться на вопросе о видовом предпочтении: почему в жертву были принесены именно домашние кабаны. Согласно археологическим и этнографическим данным, образ кабана не являлся актуальным для мировоззрения таежного населения Западной Сибири, хотя отдельные изображения кабана известны у кулайского населения: это резная костяная голова из могильника Каменный Мыс [Троицкая, 1979, табл. 13, 2] и полая бронзовая голова кабана с Кулайки [Мягков, 1929, табл. 2, 4]. Зато этот образ широко представлен в материалах скифо-сибирского степного мира. Бляхи в виде кабана, профильные фигурки и изображение голов известны в Северном Причерноморье, на Горном Алтае, в Туве, Южной Сибири. Такое внимание образ кабана привлек благодаря своей двойственности. С одной стороны, это копытное животное, с другой — всеядное, следовательно, в какой-то мере хищное. Это прослеживается в манере изображения кабана: он может быть представлен в традиционной для копытных позе, с подогнутыми и положенными друг на друга ногами, или же с ногами, согнутыми под прямым углом — черта, присущая изображениям хищников [Переводчикова, 1994, с. 46]. В картине мира скифов кабан маркировал средний мир — между нижним и верхним, между копытными и хищниками. Оформление предметов вооружения головками и фигурами кабана показывает, что в сознании древних племен он сближался с хищниками.

Скелеты, обнаруженные на городище Ивановка-4, принадлежали домашней свинье. Однако традиционное мировоззрение зачастую не делает разграничения между дикими животными и «родственными» им одомашненными, во всяком случае в мифоритуальном плане. Это подтверждается, например, широко известным фактом нерасчлененности мифологических образов волка и собаки [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 589–590]. Кроме того, дикая свинья (кабан) незначительно отличается от домашней. Следовательно, принесение в жертву пяти кабанов и захоронение их у оборонительного вала могло быть совершено с целью усилить функционально это сооружение и сделать его неприступным для врага.

Погребение лошади во рву не является строительной жертвой, так как оно совершено несколько позже строительства оборонительного сооружения. Его расположение во рву свидетельствует о том, что это жертвоприношение связано с событием в жизни поселения. Ближайшей аналогией ему являются захоронения коней в могильнике Обские Плесьи II [Горбунов, 1996, с. 155–166], особенно в могилах № 1 и 2. Здесь кости лошади тоже лежали компактной

кучкой в неглубокой яме, причем скелет был неполным. В. В. Горбунов полагает, что была погребена шкура коня с ногами и головой, причем в шкуру завернули еще ряд костей. Погребение из рва отличается от захоронений Обских Плесов отсутствием инвентаря вооруженного всадника и сочлененных костей ног. Видимо, наше погребение дольше оставалось не захороненным.

Погребения коней — явление достаточно распространенное за пределами лесостепного Приобья, особенно в предгорье и горных районах. В ряде курганов раннего железного века в Новосибирском Приобье, имеющих ров, у прохода через него обнаружены конские черепа. Видимо, головы были выставлены у входа на шестах, а позже упали вниз на частично затянущееся землей дно рва [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 25]. Скопление конских черепов встречено в кулайском могильнике Каменный Мыс [Троицкая, 1979, с. 9]. Но такие находки при осмыслении ритуала древнего населения вряд ли могут быть сопоставимы с описанными выше конскими захоронениями.

Для раннего железного века Новосибирского Приобья известны еще случаи обнаружения скелетов животных. Так, в кулайском жилище поселения Ордынское-9 найден скелет собаки [Там же, с. 31]. В кургане 3 могильника Каменный Мыс в отдельной могиле выявлен скелет овцы, а в насыпи — скелет собаки, сопровождаемый бронзовой бляшкой [Там же, с. 78, табл. 2, 6]. Но они, скорее всего, имели другое назначение по сравнению с погребениями животных, связанными с оборонительными сооружениями или совершенными в потревоженных могилах.

В рассмотренных выше трех курганных могилах обращает на себя внимание то, что животные погребались после или в ходе нарушения первичного захоронения. По характеру находки аналогичны друг другу. Очевидно, это остатки одного и того же ритуала, в котором вид животного не играл особой роли, так как они могли замещать друг друга [Шишкин, 1999, с. 242]. Ритуал, проявление которого сводилось к осуществлению кровавой жертвы, совершался после нарушения могилы. Видимо, главным моментом в раскрытии его значения являются представления о смерти.

В этнографии западносибирских народов известны представления о «реке крови», символически разделяющей земной и нижний миры. Пример «пограничного» и в то же время связующего значения крови — обычай ненцев проводить кровью из оленьего сердца линию между покойным и его родней [Головнев, 1995, с. 417–418]. Е. Д. Прокофьева, говоря о селькупках, отмечает, что одно из значений слова «кэм» — кровавая жертва духам «нижнего мира» [1976, с. 127]. Кровь — нередко наиболее существенное для успеха ритуала вещество, это субстанция, ассоциируемая с жизненной силой, связующая и разделяющая мир людей и потусторонний мир. Именно поэтому на могилах совершались кровавые жертвы. Жертвоприношения животных, совершенные непосредственно у нарушенных могил, имели характер оберега. Их целью было создание непреодолимой для умерших преграды, защищающей живых от неблагоприятного влияния нижнего мира. Причем в сам ритуал входило не только совершение кровавой жертвы, но и проведение частичного или полного ограбления могилы. А может быть, грабители, совершившие очень вскоре после погребения его ограбление, пытались умиловить дух потревоженного принесенной жертвой. Трудно убедительно доказать сущность этого явления. Но одно остается точным: погребения вскоре после предания мертвого земле были в той или иной степени нарушены, после чего и совершалась кровавая жертва.

Среди сопредельных районов в раннем железном веке обилием аналогичных находок выделяется Южная Сибирь. На погребальных памятниках тагарской культуры обнаружен ряд захоронений собак в грабительских ямах, которые интерпретируются исследователями как апотропейные (имеющие характер оберега): «...подобные захоронения совершали грабители для того, чтобы обезопасить себя от преследования со стороны духов умерших людей, потревоженных ими» [Худяков, Кузнецов, 1998, с. 132].

Таким образом, в эпоху раннего железа на территории Новосибирского Приобья существовало по крайней мере два типа жертвоприношения животных. Это, во-первых, строительные жертвы, связанные с оборонительными сооружениями, и, во-вторых, жертвы, совершаемые после ограбления могил, произведенного вскоре после захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 608 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовой могильник Обские Плесы II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 1996. С. 156–166.

Дураков И. А., Мжельская Т. В. Исследования могильника Быстровка-1 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск: НОКМ, 1995. С. 47–65.

Мяков И. М. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея) // Труды ТКМ. Т. 2. Томск, 1929. С. 51–85.

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.

- Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Росляков С. Г.* Укрепленные поселения кулайской культуры в Новосибирском Приобье // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1995. С. 71–83.
- Сидоров Е. А.* Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // СА. 1989. № 3. С. 141–154.
- Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–240.
- Худяков Ю. С., Кузнецов Н. А.* Ритуальные захоронения собак в Минусинской котловине (по материалам раскопок Южносибирского отряда) // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Кузб. тех. ун-т, 1998. С. 128–143.
- Шишкин А. С.* Животные в идеологии населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железа // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт. ун-т, 1999. С. 241–243.

*Новосибирск, Новосибирский государственный
педагогический университет,
Территориальное управление МК РФ
по сохранению культурных ценностей
в г. Новосибирске*

[1] Авторы благодарят И. А. Дуракова, Т. В. Мжельскую и С. Г. Рослякова, разрешивших использовать их неопубликованные материалы.